

УДК 321.01

Алексей ГРОМЫКО

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Аннотация. Автор рассуждает о ряде крупных событий в международных отношениях, на первый взгляд не связанных друг с другом. Среди них: “брекзит”, победа Д. Трампа, рост популизма в США и Европе, трансформации партийно-политических систем и др. Его аргументы направлены на то, чтобы рассмотреть за этими процессами глубокие предпосылки и причины, связанные с устареванием неолиберальной модели глобализации. Представлен также анализ ситуации в сфере европейской безопасности, положение дел в которой напрямую зависит от изменений политической реальности в регионе Евроатлантики. Рассматриваются и наиболее важные аспекты Глобальной стратегии ЕС с точки зрения национальных интересов России. Сделан вывод о том, что в политической жизни коллективного Запада происходят далеко идущие изменения, которые могут открыть “окна возможностей” для улучшения отношений с Россией.

Ключевые слова: новая реальность, брекзит, глобализация, постправда, средний класс, популизм, европейская безопасность.

Казалось бы, о “брекзите” (выходе Великобритании из Евросоюза) сказано всё или почти всё. “Брекзит” превратился из экзотического термина в притчу во языцах. К его появлению в определённой степени европейцы были подготовлены другим явлением – “грекзитом” – едва не состоявшимся в 2015 г. выходом Греции из еврозоны.

Первая волна шока в Евросоюзе после июньского референдума в Британии прошла; началась вязкая позиционная борьба между Брюсселем и Лондоном с целью занять максимально выгодные переговорные позиции. Переговоры же планируется начать только в марте 2017 г. В чём-то трагедия “брекзита” для ЕС превращается в трагикомедию с учётом всей растерянности и неопределённости, которыми окружена эта тема, неуклюжими заявлениями членов британского правительства, в первую очередь Бориса Джонсона, министра иностранных дел. Но вряд ли

© **Громыко Алексей Анатольевич** – член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, председатель Координационного совета профессоров РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520160620>

кто-либо будет смеяться последним. В проигрыше окажутся, и уже находятся, обе стороны – и Лондон, и Брюссель.

Если уменьшить степень приближение воображаемого объектива фотокамеры и посмотреть на “брекзит” шире, то это явление становится частью более широкой картины событий. Во второй половине XX века рыночное общество в развитых странах в значительной степени ушло от классово-политической и представлявших её массовых политических партий. В странах развитой индустриальной, а затем постиндустриальной экономики сложился партийно-политический консенсус, который в Западной Европе принял форму государства благосостояния. Соответственно менялись и партийно-политические системы, в которых центральное место заняли “универсальные партии” как лево-, так и правоцентристской природы. Универсальные партии, в отличие от своих предшественников, делавших ставку на определённый класс, стали бороться фактически за один и тот же электорат – средний класс, т.е. за самую большую категорию избирателей.

Социализация капитализма в XX веке, в том числе благодаря конкуренции мира социализма и капитализма, принесла большие блага западным обществам. Однако, после распада Советского Союза и биполярного мира, стимул держать социальные диспаритеты под контролем ослаб. Образно говоря, капитализм стал подпиливать сук, на котором он сидел – благополучие среднего класса. Теперь в основном именно “рассерженный” средний класс, а не антиглобалисты, радикальные левые или правые, стал выступать против господствующей в последние 30 лет неолиберальной модели глобализации. Популизм в Европе, “брекзит”, феномен Трампа и т.п. – проявление именно этой тенденции, хотя, конечно, существует масса местных особенностей.

Глобализация – объективный процесс, но модели глобализации – продукт системы глобального регулирования, которая рукотворна. Любая система устойчива покуда выгоды, которые она приносит, превышают издержки её функционирования. Кризис 2008 года и последующие события, ряд провальных военных авантур обозначили достижение неолиберальной системой глобального регулирования, в центре которой находится Евроатлантический регион, своих пределов. Входящие в него ведущие игроки начали борьбу за удержание своих позиций вплоть до взвинчивания внешнеполитического авантюризма, обострения отношений с геополитическими конкурентами.

Система устойчива, если способна к адаптации, приспособлению. В этом смысле рыночные отношения в своём неокейнсианском, точнее посткейнсианском воплощении, продолжают демонстрировать способность к регенерации. Однако неолиберальная модель глобализации, судя по всему, потеряла её. В результате мирового кризиса принятые решения и меры, в том числе в рамках “большой двадцатки”, не смогли привести к снижению политических, социальных, экономических диспаритетов. Последние лишь выросли, а финансовая составляющая ещё больше оторвалась от реальной экономики.

Послевоенная финансовая архитектура мира остаётся в целом мало реформированной, несмотря на происходящие принципиальные изменения в расстановке глобальных экономических и политических сил. Пока речь идёт не более, чем о её косметическом ремонте. “Секулярная стагнация” стала новой реальностью. В За-

падной Европе она приняла формы дефляции, политики жёсткой экономии, крайне низкого роста, масштабной структурной безработицы, суверенных долгов.

Столь популярный несколько десятилетий аутсорсинг промышленности был частью превращения развитых экономик в постиндустриальные, т.е. в экономики услуг. Одновременно была решена проблема назойливого для работодателя профсоюзного движения – одного из воплощений экономики спроса. Средний класс стал олицетворением зажиточного общества, общества потребления. Но тот же аутсорсинг и снятие барьеров на пути демонтажа механизмов защиты интересов работника обернулись в результате феноменами “брекзита” и “трампизма” – если упрощать – восстанием беднеющего среднего класса против политического истэблишмента, возвращённого в эпоху “неолиберальной волны” в 1980-90-е гг. Её наиболее ярким воплощением стала идеология тэтчеризма. О растущих социальных диспаритетах в западном обществе, о вымывании покупательной способности среднего класса было известно уже давно; многие специалисты постоянно указывали на это со всё большей обеспокоенностью. Среди них – Джон Грей, Уилл Хаттон, Роберт Райх. Последний всесторонне анализировал эту ситуацию в книге 2010 г. “После шока”, и с новой силой в работе 2015 г. “Спасая капитализм” [Robert Reich, 2010. Robert Reich, 2015].

Мир-системный анализ с его ядром – тезисом о центр-периферийных отношениях – всё меньше соответствует реальности на фоне развития полицентризма не только в сфере мировой политики, но и в сфере мировой экономики. Вероятно, если не путём рациональных умозаключений и очевидных выводов, то под нажимом вышедшей из-под контроля социальной и политической реальности, олицетворениями которой служат евроскептицизм и “брекзит”, популизм и “трампизм”, политическим истэблишментам в странах постиндустриальной экономики придётся меняться или уступать место новым политическим силам. Эти изменения, судя по всему, будут сопровождаться новой индустриальной политикой, частичным возвратом к классовому характеру партийно-политических систем, отказом от мегаинтеграционных проектов, восстановлением ряда элементов экономики спроса и усилением не декларативного, а реального внимания к социальному капиталу. Возможно, что одним из последствий данных процессов станет отход Запада от конфронтационной модели отношений с Россией.

Пока же положение дел в этом вопросе, включая сферу европейской безопасности, представляет собой удручающую картину. Система мер доверия, контроля, предотвращения дальнейшей милитаризации региона находится в дисфункциональном состоянии. Механизмы Совета России – НАТО пока так и не возобновили работу.

Повсеместно растут военные расходы. В Европе размещаются дополнительные военные подразделения, оснащённые тяжёлой боевой техникой. В первую очередь новой милитаризацией затронута территория Прибалтики, Польши, Румынии. В воронку военной эскалации втягиваются всё новые страны. Фактически новая иностранная база создаётся в Норвегии¹. Всё настойчивее звучат голоса тех, кто призывает пересмотреть нейтральный статус Финляндии и Швеции [Громыко, Плевако, 2016]. Кроме того, рыцари “новой холодной войны” продолжают призывать к

¹ <http://tass.ru/politika/3746316>

расширению НАТО, как это сделал в очередной раз Дональд Рамсфельд [Financial Times. 22 November 2016].

Растёт противостояние по линии противоракетной обороны, строится и вводится в эксплуатацию инфраструктура европейского компонента глобальной системы ПРО США. Стороны обвиняют друг друга в скрытом или явном нарушении Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Навязанное России противостояние на основе идеи “новой холодной войны” продолжает нагнетаться. Но происходит это не только в реальном, но и в воображаемом измерении. Политический истеблишмент Прибалтики упорно настаивает на своей версии о том, что Россия со дня на день вторгнется в расположенные здесь страны. В Литве распространена инструкция по диверсионной работе на случай новой “оккупации”. На этом фоне продолжается дискриминация русскоязычного населения. В Латвии сейм принял поправки к закону об образовании, вводящие понятие лояльности педагогов государству¹. Теперь любое образовательное и культурное сотрудничество с Россией становится поводом для подозрения в антигосударственной деятельности.

Ментальная эскалация подстёгивается и на наднациональном уровне. Резолюция Европарламента по “противодействию пропаганды третьей стороны” не укладывается в рамки здравого смысла². Фактически вражескими объявлены Россотрудничество, фонд “Русский мир”, телеканал “Russia Today” агентство “Спутник”. Участвуя в работе фонда с 2007 г., могу заявить со всей ответственностью, что авторы резолюции – профессиональные провокаторы. С таким же успехом в России могли бы обвинить в подрывной деятельности Институт Гёте и немецкие политические фонды, испанский Институт Сервантеса, итальянский Институт Данте и т.д. И точно так же эти обвинения были бы абсурдными. К сожалению, такого рода документы появляются не только во властных структурах ЕС, но и в серьёзных национальных исследовательских центрах. Так, не может не огорчать ангажированность материала “Агенты русского мира”, выпущенного лондонским Королевским институтом международных отношений (Чатэм хаус) в апреле 2016 г. [Orysia Lutsevych. April 2016]. Обращает на себя внимание, что за вышеуказанную резолюцию, которая не носит обязывающего характера, проголосовало меньше половины членов Европарламента – 304, 179 депутатов высказалось против и 208 воздержались. Приведённые цифры свидетельствуют, что в действительности масштаб антироссийских настроений имеет свои границы. Складывается ощущение, что антироссийская волна в Европе теряет свою инерцию и может смениться в 2017 г. отливом.

Значение для понимания дальнейших путей движения Евросоюза имеет Глобальная стратегия, обнародованная Ф. Могерини в июне 2016 г.³ Это амбициозный документ, предусматривающий превращение ЕС в полноценного глобального игрока в сфере политики и безопасности. В чём-то, однако, он устарел, едва появив-

¹ <https://ria.ru/world/20161123/1482015150.html>

² <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+TA+P8-TA-2016-0441+0+DOC+PDF+V0//EN>

³ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. June 2016. <http://europa.eu/globalstrategy/en>

шись на свет. Так, очевидно, что тема “брекзита” была инкорпорирована в текст в последний момент, но без проработки того, как это скажется на будущем организации. Коренное изменение ситуации с Трансатлантическим торговым и инвестиционным соглашением после избрания Д. Трампа вовсе не нашло своего отражения в документе.

Ряд тезисов Стратегии, безусловно, представляют интерес. Вероятно, впервые в официальном документе ЕС заявлено, что система глобального управления требует не ремонта, а трансформации. Неожиданно от Брюсселя услышать и о том, что “европейская модель” не обязательно пригодна для “экспорта”, и что взаимодействие с другими проектами региональной интеграции может принести обоюдную пользу. Глобальная стратегия менее идеологизирована, чем другие установочные документы ЕС; введено понятие “принципиального прагматизма”. Один из её рефренов – тезис о “стратегической автономии”, подразумевающий большую внешнеполитическую самостоятельность ЕС от Вашингтона. Поддержки заслуживает последовательный акцент на центральной роли ООН в системе глобального управления.

Вместе с тем, Глобальная стратегия в ряде своих пунктов не может не вызывать озабоченности у внешних игроков. Стремление к наращиванию ЕС собственной военной идентичности, за скобки которой выносятся геополитические интересы США, а теперь и Британии, должно принести ему в будущем дивиденды. Но появление дополнительного военного потенциала в Западной и Центральной Европе, помимо НАТО, безусловно, будет учитываться в военном планировании РФ. Установка Стратегии на то, что “мягкой силы не достаточно”, может иметь последствия и для репутации всего интеграционного проекта. Долгие годы евростроители использовали тезис о первенстве “мягкой силы” в отношениях ЕС с внешним миром для обоснования привлекательности и уникальности этой организации. Теперь же оказалось, что то ли внешний мир слишком опасен, чтобы для его трансформации Евросоюзу было достаточно “мягкой силы”, то ли сам ЕС в своё время преувеличил свою способность решать внешние проблемы с помощью пряника.

Наиболее проблемная сторона Глобальной стратегии заключается в том, что Россия объявлена в ней “ключевым стратегическим вызовом”, а “европейский порядок безопасности” приравнен к порядку безопасности исключительно Евросоюза. Раздел документа об отношениях с Москвой ничего, кроме сожаления, вызвать не может. Кроме того, в нём достаточно пространно изложена идея “жизнеспособности” регионов соседства ЕС. Конечно, и для Москвы важно, чтобы окружающие её государства были дружественными и стабильными. Но, с точки зрения Брюсселя, “жизнеспособность” соседей означает, среди прочего, поддержку гражданских обществ в странах с проблемными, по его мнению, политическими режимами. Заявлено, что цель такой поддержки – обеспечить “подотчётность власти”. Не надо обладать богатым воображением, чтобы без труда рассмотреть в концепции жизнеспособности соседей ЕС “старого знакомого” – перелицованное Восточное партнёрство с его стремление оказывать влияния извне на общественное мнение определённой страны для изменения её политики. Можно себе представить, какой критике подверглась бы Россия, если, например, в её концепции внешней политики записали бы что-то похожее в отношении влияния на общественное мнение стран-членов ЕС.

Уход из жизни легендарного Фиделя Кастро – очередной символ превращения XX века в историю. Новая же политическая реальность в Европе и США только формируется. “Брекзит” и победа Д. Трампа, отставка М. Ренци и выдвижение кандидатуры Ф. Фийона от Республиканской партии на президентских выборах во Франции – её проявления. Вероятно, в полной мере последствия этого процесса станут очевидны к концу 2017 г. Не менее популярный, чем нынешние популисты, термин “постправда” подходит к описанию растерянности старого политического истеблишмента в отношении его ближайшего будущего, в отношении воззрений, которые ещё недавно казались незыблемыми. Идущее переформатирование коллективного Запада предоставляет возможность его влиятельным игрокам пересмотреть установку на конфронтацию с Россией.

Список литературы

Громыко Ал.А., Плевако Н.С. (2016) “О возможности вступления Швеции и Финляндии в НАТО” // *Современная Европа*, No 2.

References

Gromyko Al.A., Plevako N.S. (2016) “O vozmozhnosti vstupleniya SHvecii i Finlyandii v NATO” // *Sovremennaya Evropa*, No 2.

Robert Reich, (2010) “Aftershock. The Next Economy and America’s Future”. Knopf.

Robert Reich, (2015) “Saving Capitalism. For the Many, Not the Few”. Knopf.

Financial Times. Donald Ramsfeld. America’s Vital Interests Are at Stake in Georgia. 22 November 2016.

Orysia Lutsevych. (2016) Agents of the Russia World. Proxy Groups in the Contested Neighborhood. Chatham House Research Paper. April 2016.

Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign And Security Policy. June 2016. <http://europa.eu/globalstrategy/en>

New Reality and European Security

Author. Gromyko Al.A., Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe (RAS). **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Abstract. The author dwells upon major events in international relations, which, on the surface, are not linked with each other. Among them: Brexit, Trump’s victory, the growth of populism in Europe and the US, transformation of party-political systems in Western countries, etc. His arguments are focused on undercurrent trends, which make these events consequences of one phenomenon – the growing inefficiency of the neoliberal model of globalisation. He also analyzes the situation in the sphere of European security, which depends on shifts in political reality in Euroatlantic region. Attention is paid to key aspects of the EU’s Global Strategy and their relevance to the national interests of Russia. The conclusion is drawn that the political process within the collective West is going through profound changes, which may provide opportunities for rapprochement with Russia.

Key words: new reality, Brexit, globalisation, post-truth, middle class, populism, European security.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520160620>